

Научная статья
УДК 808.56
doi: 10.17223/19986645/79/3

Функционирование речевого жанра просьбы в дискурсе диалектной языковой личности

Екатерина Вадимовна Иванцова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, ekivancova@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются функциональные характеристики речевого жанра просьбы, отличающегося высокой частотностью и вариативностью в речи сибирской крестьянки. При анализе дискурсивных сфер бытования данного жанра выявлены используемые адресантом тактики и стратегии и их языковые средства. Функционирование жанра просьбы в дискурсе носителя старожильческого говора отражает как универсальные, так и специфические черты этого элемента жанровой системы, свидетельствует о высоком уровне речевой культуры диалектной языковой личности.

Ключевые слова: речевой жанр просьбы, народно-речевая культура, диалектный дискурс, диалектная языковая личность, среднеобские говоры, культурно-языковой ландшафт

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Иванцова Е.В. Функционирование речевого жанра просьбы в дискурсе диалектной языковой личности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 40–58. doi: 10.17223/19986645/79/3

Original article
doi: 10.17223/19986645/79/3

Functioning of the speech genre of request in the discourse of the dialect language personality

Ekaterina V. Ivantsova¹

¹ *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, ekivancova@yandex.ru*

Abstract. The article considers the speech genre of request within the framework of the study of the speech culture of the dialect speakers of the Middle Ob region. The features of its functioning were analyzed using the methods of linguopersonology – the study of speech of a specific language personality typical of this society. The article is based on the author's recordings of spontaneous speech of a Siberian peasant woman, collected for over 24 years. The analysis of the informant's discursive prac-

tice shows that the speech genre of request functions in the domestic sphere, the ethical sphere and the sphere of customs and rituals. Each of the spheres differs in the composition of the addressees of request and their intentions, language means and methods of their use. The informant's speech is dominated by requests from the domestic sphere with an appeal for help in the interests of the addresser. They are diverse in the variety of grammatical constructions, etiquette formulas and tactics that soften the categorical imperative with appropriate markers. The addressees of such requests are relatively homogeneous: these are fellow villagers, relatives, acquaintances from the city. Requests in the ethical sphere imply a motive in favor of not only the addresser, but also the addressees – close relatives. These are exhortations that represent the norms of personal behavior and at the same time take into account the interests of the partner. They may be related to monetary settlements (requests to accept money for purchases), situations perceived by the addresser as dangerous (requests to abandon bad habits) or potentially conflictual (requests for apologies). Such requests are expressed by poorer sets of grammatical forms and motive softening tactics, but “negative requests” (e.g., *do not buy, do not drink, do not be offended*, etc.) and emotional statements are widely represented. Requests in the sphere of customs and rituals are related to the area of the sacred in traditional culture. They have heterogeneous addressees (real persons, pagan and Orthodox characters) and intentions of the requester (requests for alms, blessings, forgiveness, care, treats, etc.). Many texts with requests are clichéd (legend, prayer, carol, etc.); they do not have etiquette formulae and the categorical softening tactics. They were partially archaized or underwent semantic transformation. The exception is the active functioning of requests at farewell in the ritual of receiving guests. Therefore, the variations of the speech genre of request recorded in the idiolect discourse in the domestic sphere reflect the living conditions and age of the dialect speaker – her ideas about what is due in the ethical sphere, traditions on the basis of which the language personality was formed in the sphere of customs and rituals. The genre under study partly allows us to reconstruct the system of values (family ties, communication, health, food, prosperity in the household) and the rules of life (following the way of one's family, moral and religious norms, conflict-free existence) of the bearer of traditional culture. The implementation of the genre of request in the peasant woman's speech is evidence of effective speech interaction that supports communicative balance in traditional rural communities, and an obvious example of a high level of speech culture of a dialect language personality.

Keywords: speech genre of request, folk speech culture, dialect discourse, dialect language personality, dialects of Middle Ob region, cultural and linguistic landscape

Financial Support: The study was carried out under the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Ivantsova, E.V. (2022) Functioning of the speech genre of request in the discourse of the dialect language personality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 40–58. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/3

Введение

Утвердившаяся на рубеже XX–XXI вв. антропоцентрическая парадигма закономерно вызвала развитие коммуникативной лингвистики, в том числе в сфере изучения речевых жанров. Как отмечает В.В. Дементьев, «жанровое

оформление коммуникативного поведения относят к основным постулатам коммуникативной лингвистики» [1. С. 8]; генристика помогает выявить модели коммуникации с учетом ситуации и сферы общения, интенций, стратегий и тактик участников общения, форм речи и ряда других параметров [1. С. 8].

Теория и практика изучения речевых жанров (РЖ) в наши дни разрабатывается преимущественно с опорой на данные устного и письменного дискурса носителей русского литературного языка или при сравнении русского языка с языками других народов. Некодифицированные формы национальной языковой системы в жанровом аспекте изучены гораздо слабее, однако в русистике можно говорить о формировании диалектной жанрологии. С 90-х гг. это направление развивается в томской диалектологической школе. Исследовался состав РЖ в речи старожилов Среднего Приобья, были описаны РЖ автобиографического рассказа, воспоминания, предположения, пожелания, оценки и некоторые жанрообразующие концепты [2–5]. По материалам русских говоров Среднего Поволжья Я.В. Мызниковой также рассматривался РЖ воспоминания [6].

С формированием лингвоперсонологического аспекта науки о языке изучение системы речевых жанров органично вошло в комплексный анализ феномена диалектной языковой личности, инициированный в начале 80-х гг. автором данной статьи. Намеченная ранее жанровая типология расширялась и углублялась в работах томских диалектологов Л.Г. Гынгазовой и Т.А. Демешкиной [2. С. 95–101; 7–9] на идиолектном материале; целостное описание жанровой системы диалектоносителя было осуществлено О.А. Казаковой [10]. И.А. Букринской и О.Е. Кармаковой описан ряд РЖ диалектоносительницы из Псковской области Е.Я. Тищенко [11, 12].

Вместе с тем пока нельзя говорить об исчерпывающем анализе речевых жанров даже в масштабах идиолекта отдельной языковой личности. В диссертационном исследовании О.А. Казаковой дано системное представление простых и сложных РЖ с учетом их структурной иерархии и интенций говорящего, освещается вопрос о коммуникативных стратегиях и тактиках в монологических и диалогических жанрах дискурса, однако акценты в работе делаются прежде всего на типах жанров (по типологии Т.В. Шмелевой), а каждый отдельный жанр описан довольно лаконично.

В настоящей статье в рамках исследования культурно-языкового ландшафта трансграничного региона Среднего Приобья, подразумевающего в том числе изучение речевой культуры его жителей [13], более детально рассматривается функционирование РЖ просьбы в дискурсе сибирской крестьянки. Исследование опирается на данные авторского архива записей спонтанной речи коренной жительницы старожильского с. Вершинино Томской обл. В.П. Вершининой (1909 г. рождения), полученные методом включения в языковое существование говорящего в течение многолетнего сбора материала (1981–2004 гг.).

РЖ просьбы не случайно привлекает внимание исследователей. На разном языковом материале выявлено, что он отличается высокой степенью

вариативности, тесно связан со многими другими речевыми жанрами, дает богатый материал для изучения речевого поведения носителей языка, отражает черты национальных культур. Дефиниции этого жанра достаточно разнородны, однако большинство ученых акцентируют внимание на том, что просьба предполагает побуждение адресата к выполнению некоего действия, в котором заинтересован проситель, а ее осуществление не является обязательным и зависит от решения адресата [14, 15].

Анализ показал, что РЖ просьбы в идиолектном дискурсе сибирской крестьянки является частотным и реализуется в различных дискурсивных сферах.

Просьбы в бытовой сфере

В большинстве случаев просьбы информанта связаны с бытовой сферой. Постоянное обращение за помощью обусловлено возрастом, физическим состоянием и условиями жизни одинокой пожилой женщины, живущей в сельской местности, в неблагоустроенном доме. Ее просьбы касаются в первую очередь покупки продуктов в городе, деревенском магазине или у жителей села, поддержания в порядке домашнего хозяйства (принести воды из колонки, помочь с ремонтом, заготовить на зиму дрова, скинуть с крыши снег...) и трудоемких сельхозработ (весенняя вспашка земли на огороде и в поле, посадка и уборка картофеля). Обращены они обычно к односельчанам и родственникам, иногда – к знакомым из города: *А я Ане [жене племянника] говорю, говорю: «Аня, ты мне покопи ячечек! Десяточек скопи». А она говорит это: «Ладно»; [соседу:] Ты помоги мне окно выставить; Я [говорю родственникам, сажая картофель]: «Наташиш'те мне ведро картошки, я не могу потти'» [по рыхлой земле]» – они припру'т.*

Чаще всего при вербализации просьбы встречаются повествовательные высказывания с императивной формой глагола, обозначающего каузируемое действие. Как правило, в таких конструкциях говорящий использует обращение по имени, а также личные местоимения второго и первого лица (ты, мне): *Пошла копать [картошку], Валя Мотина идёт. Говорю: «Валя, уташиш' мне». Она мне уташиш'ла четыре ведра; Я говорю: «Привези мне воз навозу, Лексе'й!» Он гыт: «Ладно, привезу»; Коля, ты мне почти чув'л там [в печке], залезь к Па'ске.*

Воздействие, оказываемое на адресата при озвучивании просьбы, и возможность отказа просителю вызывают необходимость смягчения императивного начала, использование языковых средств и тактик, связанных с категорией вежливости. Как отмечает Н.И. Формановская, «императивно выраженная просьба в общении может “прочитываться” адресатом с точки зрения той или иной степени внимания, вежливости, мягкости или требовательности, проявленных к нему. Именно постулат вежливости, прагматические задачи вызвали к жизни целый ряд сопутствующих императиву выражений для отражения вежливых отношений между “я” и “ты”» [16. С. 70].

Языковые средства, используемые языковой личностью в ситуации просьбы о помощи, активно репрезентируют стратегии вежливости и смягчения при адресации императивного начала. Они реализуются через этикетные формулы, обращение по имени или имени-отчеству, фонетические, грамматические и лексические показатели, а также особые содержательные приемы выражения просьбы, снижающие степень «давления» на адресата.

При употреблении императивных форм побуждения, воспринимаемых собеседником как наиболее категоричные, адресант широко привлекает формулы речевого этикета.

Наряду с утратившим мотивированность *пожалуйста* (*Катя, дай мне, пожалуйста, попить водички мне дай*) употребляются также синонимичные к этому слову формулы вежливости, сохраняющие прозрачную внутреннюю форму. Так, этикетные устойчивые словосочетания *будь до'бра / до'бренька, будь добрый, будьте до'бры* соотносятся со значением слова *добрый* в значении «расположенный к людям, отзывчивый, исполненный доброты, сочувствия к ним, готовности помочь» [17. Т. 1. С. 410]: *Это... сходи к Татьяне, будь добрый, попроси у ей... [Скажи:] «Тётя Вера присила кисточку...»;* *Катя! Ступай сорьви там, поишишы [огурцы в огороде], будь до'бренька.*

Другой ряд вариативных формул речевого этикета содержит мотивы труда. Призыв *потрудись* как бы подчеркивает значимость потенциального оказания услуги адресатом: *В.П. Гутя, потрудись, мне поставь [банки]! А.П. Давай. В.П. Разломило кры'льца все* (ср.: трудиться «прилагать усилия, стараться сделать что-л.» [17. Т. 4. С. 417]. Этикетные формулы *не затруднись, не посчитай за трудность*, напротив, акцентируют несложность просьбы: *Кать, то блинки бы состряпала, увези [муку домой] не затруднись; А она пришла, дала – хоро-оши конфеточки, да каки'-то арома'тны прям, хоро'ши. Я говорю: «Тома, купи, не поишишитай за трудность, я говорю, купи мне!».* Еще одно устойчивое выражение связано с понятием лени, противопоставленным действию, труду: *Сходи, Катя, в погреб, не поленись*¹.

К средствам подчеркивания вежливости наряду с формулами речевого этикета Н.И. Формановская относит также «удвоение выражения просьбы», где адресантом используется не только императив, обозначающий действие, но и перформативный глагол [16. С. 70]. Такие конструкции отмечены в речи крестьянки – как правило, в сочетании в этикетными формулами: *Катя, попрошу тебя: повесь скатёрку, пожалуйста; Попрошу тебя, будь до'бра: вот к этой к Нине по молоко сходи.*

На фонетическом уровне обращение говорящего с просьбой всегда отличается особой просительной интонацией.

¹ Отметим, что ни одно из этих этикетных средств с компонентом «труд» не зафиксировано во фразеологических словарях и «Словаре русского речевого этикета» А.Г. Балакая. В этот источник включены только выражения *если вас не затруднит* и *если вам не трудно (не затруднительно)* [18. С. 165].

Смягчение императивных форм при побуждении может передавать частица -ка. Наши записи спонтанной речи подтверждают наблюдения Е.Г. Которовой, отмечающей, что присоединение -ка к глаголу встречается при незначительной симметричной просьбе или при более высоком статусе адресанта в сравнении с адресатом [19. С. 71]: *Петровна, **подай-ка** мне там пирожок с чем-нибудь!*; *Катя! **Достань-ка** мале'нько карто'шек.*

Вопросительные конструкции также смягчают категоричность этого императивного РЖ, на что указывает Е.А. Земская [20. С. 184]. Просьбы в форме вопроса обозначают каузируемое действие глаголами изъявительного наклонения в будущем времени или сослагательного наклонения, в том числе с отрицательной частицей не: *«Молочка мне **дашь**, – я говорю, – **банку?**» Она говорит: «Ладно»; Я говорю: «**Володя! Ты бы Елену [сестру В.П.] привёз, хоть бы на недельку суда'!**»; Я говорю: «**Ты мне не сошьёшь платье?**» Она гыт: «Сошью»; **Ты не пособи'ла мне побелить бы, мале'нько?** По мнению Т.В. Лариной, «вопросы с отрицательной частицей не <...> отличаются большей степенью вежливости, так как допускают отрицательный ответ и предоставляют адресату возможность выбора» [21]. Для снижения категоричности вопросительных форм побуждения используются и модальные единицы *может, может быть / мо'же быть, нельзя*: Я говорю: «**Может, ты посо'бишь мне банки вытаскать?**» – он полез [в погреб]; А я говорю: «Валерий Михалыч! Ты, **мо'же быть**, я говорю, нам пилу... "Дружбу" достанешь? Пилу». Я говорю: «Всё людей просить надо, дак... своя-то "Дружба" будет, дак лу'чче»; *Взяла да Крошко'-то позвонила [в город], от наших. Я говорю: «Там **нельзя** сахарку купить у вас?» Они говорят: «Можно».**

При смягчении воздействия на адресата говорящий, кроме того, использует такие тактики, как:

– подчеркивание незначительности просьбы: *Саша, ты не дашь мне тележку, навоз **мале'нько** потаскаю?*; *Сотри там **мале'нько** со стола;* Я говорю: «Юра, ты бы достал мне лаку. **Хоть баночку литро'ву, мне больше не надо там...** ну пусь бы и два [литра], дак ничё». Чаше других в этом случае привлекается маркер *маленько*;

– указание на несложность для адресата выполнения просьбы. Обращение за помощью озвучивается как высказывание о возможных планах или известных говорящему действиях собеседника, с учетом которых ему не составит труда сделать что-л. для адресанта как бы попутно, не прилагая особых усилий: *Нина пошла, я говорю: «Там урюк, Нина, продают, **может, ты пойдёшь [в магазин], себе купишь, и мне**»; Я говорю: «Татьяна! Таня, ты, говорю, **всё равно же на'ймываешься – пособи' мне побелить?**»; А потом Ольга пришла, я говорю: «Ольга! Ты поедешь куды'-нибудь, будете запрягать коня, говорю, к Физе Иванне?» Она говорит: «Не знаю. Будем, может». Я говорю: «**Запрягите да меня итторта'йте заодномя' туды', к Ми'трий Михалычу**» – там гуляли;*

– с этой же целью оговаривается совместное участие в выполнении сложного дела, о котором просит адресат: Я говорю: «**Побели, Оля, мне**

*там чува'л, печку, а тут я сама побелю» – рука-то не подыма'тся вверх-то у меня!; Я хотела, просила одну женичину была, штукатур... маляр. Я ходила к ей. Я говорю: «Посо'бишь мне? Хоть на кухне там-ка? Всё итскребу'я – ну, сама, а ты, – говорю, – **вымажешь мне**». Она говорит: «Ладно».*

Этикетное оформление просьбы во многих случаях дополняется привлечением диминутивов, которые усиливают вежливость обращения за помощью: *Я говорю: «Ты купи мне **маслица**» – она купила; Я говорю: «Нина, это... ты мне **покопи сметанки, баночку, хоть поллитрову**».*

Диалектоносителем широко используется тактика аргументации.

Озвучивая просьбу, адресант стремится обосновать ее причины, чтобы адресат убедился в необходимости выполнения просимого: *Дочери сказали: то ли в третьей стадии, то ли чё ли уж рак [у односельчанина]. <...> Ну я Ге'ны говорю: «Увези меня, это, к Лексе'ю Макарычу свози, **попроведаю**»; Она пропуска'т [молоко через сепаратор]. Я говорю: «Нина, продай мне **мале'нько** [сметаны], **ша'нежки охота постряпать**»; Гутя, может, где увидишь, купи мне столовый нож, **нету ножа**. Виды аргументов в каждой конкретной ситуации индивидуализированы. Ср. мотивировки просьб с разными коммуникантами:*

*А пошла [к соседке], яишницу [хотела пожарить неожиданно приехавшей во время ремонта гостье]... у Тани пошла, говорю: «Таня, дай мне пару яичек **взаймы**». Я говорю: «**Пол [выкрашенный] подсохнет, сёдня [высохнет] – дак сёдня отдам, а так за'втре**» – обещание (скорого возврата одолженного);*

*А но'нче просила [родственника], я говорю: «Ты давай забор, **переговаривай [мне], я тебе отдам, – говорю. – Деньги отдам, хоть на хлеб**. Я говорю: «**Тебе десятку [10 тысяч] отдам**» – обещание (оплаты труда);*

*[Воры залезли в дом хозяйки, выставив оконную раму.] Пошла, гляжу, это идёт один мушшйна, я говорю: «Ваня! Зайди ко мне на минутку!» – он зашёл. Я говорю: «Вставь окно!» Я говорю: «**Морози'на, всё равно, хоть и... декабрь**» – пояснение (необходимости срочной помощи из-за погодных условий);*

*Катя! Ты ему [ребёнку] помой **мале'нечко [виноград]**, пожалуйста. У меня **вишь чё, руки-то грязны** – оправдание (при невозможности сделать просимое самой).*

Приведенные примеры показывают, что исследуемая языковая личность предпочитает рациональные аргументы. Вербализация своих эмоций в этих случаях встречается редко: *Ты от **придёшь с работы** – давай городить [упавший забор]? **Помоги моему горю**.*

Информант практикует также тактику подготовки собеседника к восприятию просьбы. Прежде чем попросить о чем-либо, говорящий может спрашивать адресата о наличии / отсутствии чего-либо необходимого для просителя, осведомляться о намерениях слушающего, узнавать, не будет ли его просьба слишком обременительной или тяжелой. Оценив реакцию

коммуниканта на заданный вопрос, диалектоносительница переходит непосредственно к просьбе: *Вот чё, подруги: нет [в городе] календарей таких, листики-то отрываются кото'ры, не видите? [Есть.] Есь? Купи'те, пожалуйста. Пожалуйста. Будьте до'бры; В.П. [соседке] На почту не пойдёшь? <...> Календарь купить мне надо. А.П. А-а. Ну е'сли увижу, куплю; Я говорю: «Гутя, чижело' тебе приташишь битончик мне ягодки? Купила бы там, в городе, битончик бы взяла там».*

Еще один вариант мягкого побуждения реализуется в форме косвенной просьбы, имплицитно предполагающей обращение за помощью через намёк. Зафиксированы в этом случае вопросы о наличии чего-либо («есть / нет вопрос?»): *Георгий вышел за ворота', я говорю: «Гоша, у тебя нету никакой досочки, хорошенькой такой, гладенькой?» Он гыт это: «Есь».* *А... Ну, и так опеть всё. А я вышла да прибываю, лавочку-то. А он это, несёт до'ску-то.* Обращение к соседу с целью найти дощечку для починки лавки не озвучивается. Психологическое давление на адресата минимально: формулировка вопроса дает ему возможность как оказать помощь, так и отказаться из-за отсутствия просимого. Аналогично речевое поведение субъекта с завуалированной просьбой купить в городе ткань на юбку: *Знашь мне чё, Катя, надо? Юбку мне надо. На юбку матерьял, поди, есь, вся'ки матерьялы там? Мне чёрный, ли коричневый – от вза'все таскать. Недорогой бы. Нету, поди?* Женщина сообщает о необходимости сшить юбку (*мне надо...*), но затем ограничивается только вопросом, есть ли подходящая ткань в городских магазинах; собеседник должен сам понять намек о помощи и откликнуться на него.

Изучавшая РЖ побуждения в бытовой разговорной речи Г.М. Ярмаркина делает вывод, что текстовые данные отражают как спонтанные, так и риторические просьбы, «сформированные в условиях предварительного обдумывания», «при условии сознательного отбора языковых средств, спланированной стратегии и тактики речевого воздействия на адресата» [22. С. 4, 19]. Реализация РЖ просьбы в дискурсе диалектной языковой личности, во многом сходном по составу бытовых коммуникативных ситуаций с речевыми записями этого исследователя, представлена, на наш взгляд, только в спонтанном варианте. Правила обыденной риторики отражаются не в планировании говорящим того или иного высказывания (доказать наличие такого планирования в повседневной устной речи представляется проблематичным) – их возможно реконструировать, выявляя закономерности речевого поведения, в том числе при вербализации речевых жанров в дискурсе конкретного индивида или определенной страты социума.

Приведенный выше идиолектный материал свидетельствует о достаточно широком круге этикетных и смягчающих побуждение маркеров в РЖ просьбы. В то же время обратим внимание на разную степень их проявления в дискурсивной практике исследуемой языковой личности. На выбор говорящим языковых средств влияют социально-ролевые отношения коммуникантов и характер просьбы, с которой обращается адресант, с учетом потраченного на нее времени и усилий [19. С. 67].

Минимальный уровень этикетности и смягчения просьбы наблюдается у информанта при обращении к вполне определенному кругу лиц; это: а) близкие родственники, взаимопомощь между которыми для крестьянки считается само собой разумеющейся (она тоже оказывает им посильную помощь); б) односельчане, если обращение за помощью к ним оценивается просителем как очень незначительное или предполагается, что ее выполнение будет оплачено, в) сельский соцработник, в чьи обязанности входит помощь по хозяйству одиноким престарелым людям. Ср. рассказ крестьянки об организации побелки в доме, где представлены все три категории адресатов: племянник Коля, который рано потерял мать и В.П. во многом ее заменила, односельчанка Зоя, готовая работать за угощение и деньги, и сотрудник социальной службы Ольга: *А тут одна пьянчужка-то хо'ит, я попросила, говорю: «Зоя, это, помоги мне побелить», – говорю. Не «помоги», а «побели, – говорю, – мне». И Ольге, кото'ра ходит за старухами. <...> Я говорю: «Оля, ты придёшь? В пятницу. Я говорю, это... «Я хочу побелить, ты посо'бишь мне побелить тут-ка, помыть, – говорю, – мне... А ты, Коля, пособи' махри'шки потрясти всё».* В подобных случаях при побуждении к действию этикетным маркером обычно является только обращение; просительная интонация вытесняется тональностью делового распоряжения, поскольку говорящий считает, что вправе брать на себя управленческие функции при коммуникативном взаимодействии с названными типами адресатов. О.А. Казакова квалифицирует такие случаи как просьбу-распоряжение [10. С. 61–63], однако, на наш взгляд, их можно характеризовать в качестве самостоятельного РЖ распоряжения, при котором адресант выступает в роли руководителя, распределяя обязанности, направляя деятельность привлекаемых для помощи лиц. От приказа (как и от просьбы) распоряжение отличается нейтральной тональностью, от просьбы – отсутствием этикетных формул и языковых показателей, смягчающих побуждение к действию, уверенностью субъекта в том, что его указания будут выполнены.

При обращении за помощью к другим категориям односельчан, более дальней родне и городским знакомым вербализованная просьба, как правило, содержит описанные выше языковые средства смягчения императивного начала. Их число возрастает прямо пропорционально дистанции между адресатом и адресантом, сложности и важности достижения ожидаемого результата для просителя.

Итак, РЖ просьбы в бытовой сфере дискурса диалектоносительницы содержательно является просьбой о помощи. Такие просьбы представлены разнообразными грамматическими конструкциями, реализуются через прямую или косвенную форму побуждения. Информант широко использует средства речевого этикета, различные тактики и маркеры, смягчающие категоричность императива и выражая свою просьбу максимально деликатно. Уровень этикетности просьбы снижается при обращении к близким родственникам, в ситуации помощи на условиях оплаты услуг или с учетом обязанностей адресата; в этих случаях просьба замещается распоряже-

нием. Идиолектная реализация данного жанра РЖ в сфере быта отражает прежде всего такие материальные ценности языковой личности, как пища, дом, хозяйство и дающая урожай земля.

Просьбы в этической сфере

Хотя в речи исследуемого информанта преобладают просьбы, связанные с материальными потребностями и физической помощью, дискурс крестьянки не ограничивается этой областью. Встречаются просьбы, предполагающие побуждение в пользу не только адресанта, но и адресата, выходящего на первый план. Это призывы, репрезентирующие нормы поведения языковой личности и в то же время учитывающие интересы партнера. Они могут быть связаны:

— с ситуациями денежных взаиморасчетов. Отказ гостей принять деньги за незначительные покупки или гостинцы всегда вызывает у крестьянки споры и просьбу расплатиться. Она не хочет наносить ущерб дарителям и не любит быть обязанной. Адресатами таких просьб являются чаще всего близкие знакомые, приезжающие навестить ее из города: *Ты деньги-то взяла? Ты пожалуйста возьми, за хлеб-то там [купленный во время проживания у хозяйки дома]; Катя! Ты теперь кода' при...[едешь]? Ты мне, пожалуйста, не покупай ничё так на свои деньги там! Ли покупай, дак деньги бери [за покупки].* Реже в идиолектном материале зафиксированы просьбы принять деньги в «товарно-денежных спорах» с односельчанами: *Я говорю [принесшему пойманную рыбу]: «Знашь чё, Лексе'й, ты бы взял деньги с меня.¹ Я бы развязана была, не шиыталась бы, что я до'лжна»;*

— ситуациями, оцениваемыми языковой личностью как потенциально опасные для адресата. В этих случаях информант считает, что возможные действия лица могут негативно повлиять на его здоровье или благосостояние и просит воздержаться от них: *А я всё говорю Мише [сыну]: «Миша!» Я говорю: «Ты не кури, у нас в родне прямо совсем не курили никто!»; Я ему говорила тогда': «Володя, ты не напивайся [на поминках жены]! Пожалуйста, не пей, тебя разорят, утаишут!» И мясо утаишут, ешь чё утаишить, всё равно; Не пей ши'бко-то, пожалуйста, Коля, я тебя прошу, прямо из милости! Не пей!* Такие просьбы адресуются близким родственникам;

— ситуациями, осознаваемыми информантом как конфликтные. Если слова говорящего могут задеть чувства собеседника, адресант использует просьбу-извинение: *А я думаю: о'споди, пошто' [калитка во двор открыта]? <...> А потом Ольга приходит, я говорю: «У тебя мамочка вчара' не упива'ла?» Говорю: «Ты не обидься, Оля!» <...> Я говорю: «Поди, по вино приходила ко мне, это я так думаю». Наряду с призывом не обидься высказывание, дискредитирующее родственницу адресата, смягчается диминутивом мамочка.*

¹ В данном случае это высказывание можно рассматривать и как предложение.

В отличие от просьб бытового характера в просьбах этической сферы редко используются формы сослагательного наклонения (*ты бы взял деньги с меня*), не зафиксированы вопросительные конструкции, модальные единицы, единичны смягчающие негативное высказывание лексемы (*малочка*). При этом неоднократно отмечены так называемые «отрицательные просьбы» (*не покупай, не кури, не пей, не обидься...*), нетипичные для просьб о помощи, а вербализация просьбы часто носит эмоциональный характер. В составе тактик отсутствуют косвенные просьбы. Аргументация в основном встречается в просьбах, где языковая личность пытается предотвратить какие-то негативные последствия в жизни близких родственников, опираясь на свои представления об этических нормах и жизненных ценностях (в числе последних – родня, здоровье, гармоничное общение).

Просьбы в сфере обычаев и обрядов

Речевой жанр просьбы в этой сфере связан с областью сакрального в традиционной культуре, тесно переплетающихся языческих и христианских верований как одной из ее ценностей.

В памяти диалектоносительницы сохранились действия и слова матери, приобщавшей детей к обряду угощения домового – хранителя дома и домашнего скота – в день сорока святых мучеников: *«Со'роки-святы'» праздник называется. Девятого марта по-старому. Со'роки-святы' – и вот скворчки прилетают. Мама нам тесто дас, а мы лепим. Вся'кив пташечек налепим... Она каки'-то булочки стря'пат... Дедушке-сусе'душке. Вот: «Дедушка-сусе'душка, попо'й мою скотинушку, пона'стовай нас, не забывай». Булочки эти испечёт в печке, и отец ли кто пойдёт: «Поло'жьте там под сле'гу или под ма'тку в подпо'льях». Обращение к «дедушке-суседушке» с просьбой *пона'стовать* семью подразумевало присмотр, уход, заботу, оберегание от всего негативного (на'стовать – «присматривать, ухаживать за кем-, чем-либо; беречь кого-, что-либо; заботиться о ком-, чем-либо» [23. С. 192]).*

В легенде о хлебе «на собачью долю», также запомнившейся крестьянке еще в детстве из материнских рассказов, встречается просьба о подаении: *А это мама говорила. А это... пошёл Ису'с Христос. И попросил под окошком: «Сотворите ми'лостинку ради Христа истинного!» – под окошко подошёл. Бродяга, ну, старичок.* Эта клишированная форма почти без изменений повторяется в рассказе информанта о странствующих нищих, проходивших через Вершинино: *Подойдут под окошко – летом: «Сотворите святую ми'лостинку, ради Христа истинного» – от так от про'сят. Подают, подавали [им], всегда подавали.*

В воспоминаниях отражена и обращенная к хозяевам дома просьба ряженых об угощении в обрядовом тексте колядования во время Святков, когда пришедшие прославляют Рождество: *«Рожество' славим Христе' бо-*

же наш» – прославляют его, пропоют – **«Ну, хозяин с хозяйюшкой, если нету денег полтины, то дайте хлеба ломти'ну».**

Кроме мифологических персонажей язычества (дедушка-суседушка) и реальных людей, в том числе односельчан (просьба о подаянии, колядование), адресатом просьб в области сакрального может быть также Бог. Такие просьбы в жизни верующего человека отражаются прежде всего в молитве – форме богопочитания, содержащей восхваление всевышнего и обращенную к нему благодарность [24]. Хотя исследуемая языковая личность выросла в семье глубоко верующих родителей, ее религиозные взгляды сформировались как неоднозначные и отчасти противоречивые (см. подробнее [25]). Молитва в связи с этим занимала факультативное место в ее жизни: *Вот это мама всё наша молилась, читала так, вся'ки молитвы. А я научилась, а тоже... ну, редко кода' так... почитаю, – кода' делать нечего. А так... не ши'бко я, ч'итаю.* В полевых условиях собирателем были записаны несколько пересказанных крестьянкой вслух молитв, лишь одна из которых включала компонент просьбы: *[А ещё какую-нибудь знаете молитву?] Я забуваю тоже... «Отче наш! Отче наш, [неразборчиво несколько слов], да святится имя твоё, да при'дет будет царьствие твоё, да будет воля твоя, яко на земле, хлеб наш даждь нам днесь, не введи нас во искушение, но изба'ви нас от лукавого».*

В спонтанной коммуникации просьба, обращенная к высшей силе, встречается редко. Как правило, это просьба о прощении – показатель нарушения говорящим нравственных и религиозных норм: *Я говорю: «А кака' мука? Если высиий сорт... я говорю: мне высиий сорт [надо], а такой... тёмну мне не надо – **прости меня, господи, грешницу!** может, грех (хлеб и всё, что с ним связано, почитается и в народной традиции, и в православии; разборчивость по отношению к сортам муки воспринимается как грех); М.П. Видишь, ей [слепой женищине] операцию не стали делать, сердце слабое. В.П. Угу. Да ста'ра тоже, – поди, не стали делать. Ой! **Прости меня, господи, грешницу** (нарушением этических норм считаются бездоказательное обвинение и осуждение).*

Как отмечает Л.Г. Гынгазова, в остальных случаях лаконичные клишированные формы с лексемой *Бог* или *Господи* из первичного обращения к всевышнему с просьбой трансформируются в устойчивые выражения с различными смыслами [25]. В их числе – фразеологизмы *боже избавь, не дай бог, спаси бог помилуй* с семантикой желательности / нежелательности (*Я говорю: «Каки' мне худы' сны снились всё. Прям **не дай бог!**»); господи (о'споди) прости, не дай господь*, используемые для передачи негативных эмоций (***Осподи прости, другой раз пирог упал!***); *прости (ты) бог, прости (ты меня) господи* с семантикой извинения при использовании сниженных слов и выражений (*Я говорю: «Я кого... **прости бог, соплей перешибить, и то, всё равно ись хочу**»)*) и др.

В разных ситуациях наблюдаются ритуальные просьбы о благословении. Их адресатами преимущественно выступают родители, которые бла-

гословляли своих детей в особо значимые моменты жизни не только от своего имени, но и от лица Господа [26]. Одним из наиболее важных значимых событий считается благословение на брак: *Это, Степан опе'ть за-прёг кони'шка, поехали [к родителям невесты]. Приезжа'м, заи... заходим в и'збу, – я стала в ноги так от кланяться: «Ну, тя'тя, баслови'те меня». <...> Ну и баслови'л.*

В речи информанта зафиксированы, кроме того, просьбы односельчан о благословении, обращенные к умирающим родителям: *...а потом же он [сын] к ей пришёл, кода' она стала болеть, он говорит: «Мама, прости меня» – мне Нинка Данилина сказывала. «Мама, баслови' меня. Мама, прости меня, баслови' меня!» – «Бог тебя баслови'т». Всё равно, мать дак мать и есть. Всё равно сказала. Эта просьба сопровождается раскаянием сына, который просит не только благословения, но и прощения за принесенное матери горе. Аналогичная просьба-покаяние иногда звучит и на похоронах: *Ну, она так плакала: «Ой, мамочка! Родна' моя кормилица, мамочка! Прости меня за всё. Много я тебе горя принесла». Она же ребёночка принесла в девках, Рая-то. Ну а... позор же, как вроде бы.**

Получить благословение было важно также перед началом трудовых действий, соотносимых с сакральными сущностями. В идиолектном дискурсе встречается упоминание о молодой невестке, которая ежедневно просила у родителей мужа благословения на доение коровы: *...постар'ьше меня была [односельчанка], четвёртого году [1904 года рождения], Ольга Иванна. Он вышла вза'муж, от тут, к Лёньке от к этому – и тоже пойдёт: «Тя'тенька, мамонька, баслови'те меня!» – корову пойдёт доить. [Каждый день?] Ка'жный раз, в день два раза. Угу, угу. Ка'жный раз доили, и... помолится богу, пойдёт. «Тя'тенька, мамонька, баслови'те меня».*

Просьба о благословении на труд, а также на ночной отдых адресовалась не только родителям, но и Господу. Этому обычаю следовали отец и мать крестьянки перед началом посева: *Поедут сеять, я помню, тя'тя – поедет сеять, дак мама богу помолются, свечку зажгут. Помолются, басловя'сь. <...> Зажгут свечку, помолются, [когда] первый раз сеять поедут, пшеничку. Продолжение традиции наблюдается в ее собственной речи: [начиная сажать пироги в печь:] **Господи, баслови'!**; [ложится спать:] **О'споди, баслови' Христос**; Ну ладно, спать будем. **О'споди, баслови'!** Покойной ночи. Иногда в ситуации отхода ко сну звучит и лаконичная просьба о прощении: *Ой! О'споди, прости меня!**

Часть перечисленных обычаев и обрядов в сибирском старожильском селе Вершинино к периоду сбора речевого материала архаизировалась, сохранившись только в воспоминаниях информанта старшего поколения. Ушел в прошлое обряд кормления домового, уже не просили благословения на доение коровы. Вместе с тем в конце XX – начале XXI в. сельчане продолжали колядовать в рождественские праздники, встречались и случаи обращения к родителям за благословением и прощением. Однако наиболее сохранным среди зафиксированных можно считать обряд приема гостей.

Ситуация приема гостей имеет ритуальный характер. Гость – значимая в культуре разных народов мира персона: в мифологических представлениях он воспринимался в качестве посланника Бога или самого Бога, принявшего человеческий облик [27. С. 122–126]. Сакральные истоки этого ритуала уже не осознаются диалектоносителями в наши дни, но важность такого события поддерживается и сейчас регулярным взаимным посещением родственников или друзей в селе или в городе, подчеркнутым вниманием к гостям, ритуализацией отдельных этапов общения с ними.

По данным имеющегося архива, просьбы при общении с гостями широко представлены в момент прощания, которое маркирует прерывание контактов гостивших людей с хозяином дома и одновременно намечает возобновление их коммуникации в будущем.

Следование ритуалу при расставании предполагает вербальные (просьбы приезжать или приходить еще, передача приветов, выражение благодарности) и невербальные формы (проводы до порога дома или до ворот, вручение гостинцев). В составе языковых средств много этикетных формул, в которых звучат призывы хозяйки навещать ее и впредь (*Ну ладно, пошли? До свидания. **Приезжайте** кода'. **Проведайте** ба'ушку; Ну, Катенька, спасибо тебе за всё до'бро, **не забывай меня***) или задержаться в гостях (***Останься, Петровна, ночуй!***). Важное место в ситуации прощания занимает передача приветов общим знакомым: ***Привет там Катерине Петровне большу'чий-пребольшу'чий; Георгиевну-то видишь ка'жн'ный день, а'ли нет? Там ей большой привет передай.*** Привет может быть передан диалектоносительницей даже лично не известному человеку с целью выразить доброжелательное отношение к гостю и наметить перспективу возможных контактов не только с постоянно приезжающей навестить информанта горожанкой, ставшей близким человеком, но и с членом ее семьи: ***Привет там своей мамочке передай, хоть я её и не знаю, – передай там.*** При нарушении правил уважительного прощания с проводами гостей до ворот звучит просьба *не обижаться*: *Я уж не пойду провожать [из-за плохого самочувствия], Катерина Вадимовна, **не обижайтесь на меня.*** Если приезжавшие дарят гостинцы или небольшие подарки при встрече, то хозяйка вручает ответные знаки внимания при их отъезде и просит принять эти дары: ***Огурчиков-то возьми! Не хошь? Ну ты возьми, пожалуйста; Хоть десяточек возьми, Катя! Картошки, они же хоро'иш; [дарит на память полотенце:] Да Катя, ну возьми! Не обижай меня [отказом].***

Не менее насыщено просьбами хозяйки застольное потчевание гостей (этот речевой жанр подробно описан в [28]).

Таким образом, просьбы в сфере обычаев и обрядов отличаются разнообразием адресатов (наряду с родственниками, односельчанами и знакомыми в их составе представлены сакральные персонажи православия и язычества), частой передачей просьб адресантов в составе чужой речи. Во многих случаях тексты просьб данной сферы отличаются клишированностью, отсутствием этикетных средств и тактик, смягчающих побуждение к

действию, частичной архаизацией или семантической трансформацией (исключение составляют просьбы в ситуации приема гостей).

Заключение

Исследование дискурса диалектной языковой личности показало, что РЖ просьбы функционирует в бытовой сфере, этической сфере и сфере обычаев и обрядов. Доминируют просьбы бытовой сферы, что обусловлено условиями жизни и преклонным возрастом информанта.

Для РЖ просьбы в речи сибирского старожилы характерно наличие многих черт, отмеченных учеными на материале разных языков. В их числе – негомогенность этого жанра, создающая сложности типологизации разновидностей просьб, появление переходных, гибридных форм (просьба-извинение, просьба-покаяние и др.), привлечение говорящим маркеров вежливости с учетом прагматического подхода; их можно считать универсальными.

Вместе с тем исследуемый идиолектный материал позволяет выявить особенности исследуемого жанра в речи сибирской крестьянки.

Высокая частотность РЖ просьбы в дискурсе В.П. Вершининой и в большинстве случаев позитивная реакция адресатов на эту форму побуждения соотносятся с выводами лингвистов о русской национальной ментальности, для которой более свойственна солидарность, чем дистанцирование (в отличие, например, от немецкой и английской) [19. С. 69–70; 21; 29. S. 178–185].

Просьбы в речи крестьянки отражают систему ценностей носителя традиционной культуры (пища, дом, плодородная земля, здоровье, родственные связи, гармоничное общение, верования) и соотносимые с ними жизненные правила (поддержание порядка в своем хозяйстве, участие в жизни родни, следование укладу своей семьи, нравственным и отчасти религиозным нормам, традициям, бесконфликтность существования). Обращает на себя внимание широкая представленность просьб в сфере обычаев и обрядов с сакральными истоками: воспроизведение соотносимых с ними текстов способствует сохранению традиций как основы крестьянского мира.

Особо следует отметить, что обращение информанта с просьбой к собеседнику характеризуется гибким выбором разнообразных тактик и языковых средств в зависимости от типа дискурсивной сферы, коммуникативной ситуации, отношений адресанта и адресата. Выявленные тактики и их маркеры соотносимы со стратегиями вежливости и смягчения категоричности, которые, в свою очередь, можно считать частными проявлениями генеральной кооперативной стратегии речевого поведения информанта.

Эффективное речевое воздействие, по определению И.А. Стернина, предполагает достижение говорящим поставленной цели и при этом сохранение коммуникативного равновесия – нормальных отношений с участниками общения [30. С. 56]. Владение навыками такого воздействия в

спонтанной речи – свидетельство высокого уровня речевой культуры диалектной языковой личности. Очевидно, что дающие наибольший эффект приемы владения словом, поддерживающие устойчивое равновесие и комфортность сосуществования в традиционных сельских сообществах, сформировались в среде диалектоносителей в результате многовекового отбора элементов языка и выработки приоритетных речевых стратегий. Они передавались из поколения в поколение через устный канал связи по традиции. Черты такого речевого поведения длительное время сохранялись в старожильческих селах, прежде всего у представителей старшей возрастной группы.

Дальнейшее постижение сущности феномена языковой личности носителя традиционной культуры предполагает его исследование в коммуникативном аспекте, в том числе через детальный анализ системы речевых жанров диалектного дискурса.

Список источников

1. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
2. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания: аспекты семантики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.
3. Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 184 с.
4. Демешкина Т.А., Волошина С.В. и др. Портреты речевых жанров: разные дискурсивные практики / под ред. Т.А. Демешкиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 278 с.
5. Волошина С.В., Демешкина Т.А., Толстова М.А. Концепт «СЕМЬЯ» в устных автобиографических рассказах жителей Сибири // Текст. Книга. Книгоиздание. 2021. № 27. С. 39–68.
6. Мызникова Я.В. Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра «рассказ-воспоминание» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 4 (28). С. 66–72.
7. Гынгазова Л.Г. Жанр оценки в языке личности // Проблемы лексикологии, мотивологии, дериватологии. Томск, 1998. С. 40–48.
8. Гынгазова Л.Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики : материалы науч. конф. «Языковая ситуация в России конца XX века». Томск, 2001. С. 167–174.
9. Гынгазова Л.Г. Ритуальные жанры в языке диалектной личности // Русский язык как средство реализации диалога культур. Хабаровск, 2005. С. 46–56.
10. Казакова О.А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2007. 200 с.
11. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Строение и жанровые особенности диалектного текста // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. 3. М., 2008. С. 414–427.
12. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Мифологический рассказ как жанр диалектного монолога в современной русской деревне // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 19–20: Славянские диалекты в современной языковой ситуации: Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов. М., 2018. С. 95–107.
13. Демешкина Т.А. Культурно-языковой ландшафт трансграничного региона: возможности описания // Динамика языковых и культурных процессов в современной России : материалы VII Конгресса РОПРЯЛ, Екатеринбург, 6–9 октября 2021 года. Вып. 7. СПб., 2022. 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 122–126.

14. Бирюлин А.Г. Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1992. 42 с.
15. Вежбица А. Англоязычные сценарии против «давления» на других людей и их лингвистические манифестации // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. С. 131–159.
16. Формановская Н.И. Способы выражения просьбы в русском языке (прагматический подход) // Русский язык за рубежом. 1984. № 6. С. 67–72.
17. Словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1981–1984. Т. 1–4.
18. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. 2-е изд., испр. и доп. М. : АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с.
19. Которова Е.Г. Модель речевого поведения «просьба» в русском и немецком языках: сопоставительное исследование // Жанры речи. 2016. № 1 (13). С. 65–77.
20. Земская Е.А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения : учеб. пособие. М. : Наука, 2006. 238 с.
21. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Языки славянских культур, 2009. 512 с. <https://iknigi.net/avtor-tatyana-larina/286-kategoriya-vezhlivosti-i-stil-kommunikacii-tatyana-larina/read/page-19.html> (дата обращения: 20.08.22).
22. Ярмаркина Г.М. Обыденная риторика: просьба, приказ, предложение, убеждение, уговоры и способы их выражения в русской разговорной речи : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001. 149 с.
23. Словарь русских народных говоров. Т. 20. Л. : Наука, 1985. 376 с.
24. Мишланов В.А. Молитва как речевой жанр // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов : Колледж, 2003. С. 290–302.
25. Гынгазова Л.Г. Картина мира языковой личности диалектоносителя: наивная религия // Язык и общество в синхронии и диахронии. Саратов, 2005. С. 158–165.
26. В чем сила родительского благословения // Кириллица. URL: <https://cyrillitsa.ru/tradition/54368-v-chyom-sila-roditelskogo-blagosloven.html> (дата обращения: 25.08.22)
27. Байбурун А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. Л. : Наука, 1990. 170 с.
28. Иванцова Е.В. Речевой жанр потчевания в традиционной народной культуре // Жанры речи. Вып. 7: Жанр и языковая личность. Саратов, 2011. С. 269–279.
29. Rathmayr R. Höflichkeit als kulturspezifisches Konzept: Russisch im Vergleich // Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart / hrsg. Von I. Ohnheiser. Innsbruck : Verlag des Instituts für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1996. S. 174–185.
30. Стернин И.А. Деловое общение: учеб. пособие. Воронеж : Родная речь, 2009. 184 с.

References

1. Dement'ev, V.V. (2010) *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of Speech Genres]. Moscow: Znak.
2. Demeshkina, T.A. (2000) *Teoriya dialektного vyskazyvaniya: aspekty semantiki* [Theory of Dialect Utterance: Aspects of semantics]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Voloshina, S.V. (2008) *Rechevoy zhanr avtobiograficheskogo rasskaza v dialektной kommunikatsii* [The speech genre of an autobiographical story in dialect communication]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
4. Demeshkina, T.A. (ed.) (2016) *Portrety rechevykh zhanrov: raznye diskursivnye praktiki* [Portraits of Speech Genres: Different discursive practices]. Tomsk: Tomsk State University.

5. Voloshina, S.V., Demeshkina, T.A. & Tolstova, M.A. (2021) The concept “family” in the oral autobiographical stories of Siberians. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 27. pp. 39–68. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/27/3
6. Myznikova, Ya.V. (2014) Communicative specificities of the dialect speech genre “reminiscence story”. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology.* 4 (28). pp. 66–72.
7. Gyngazova, L.G. (1998) Zhanr otsenki v yazyke lichnosti [Genre of evaluation in the language of personality]. In: Blinova, O.I. (ed.) *Problemy leksikologii, motivologii, derivatologii* [Problems of Lexicology, Motivology, Derivatology]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 40–48.
8. Gyngazova, L.G. (2001) [About the speech genre of memories (based on the material of a language of personality)]. *Aktual'nye napravleniya funktsional'noy lingvistiki* [Relevant Branches of Functional Linguistics]. Proceedings of the All-Russian Conference Yazykovaya situatsiya v Rossii kontsa XX veka [The Linguistic Situation in Russia at the End of the 20th Century]. Kemerovo. 1–3 December 1997. Tomsk: Tomsk State University. pp. 167–174. (In Russian).
9. Gyngazova, L.G. (2005) Ritual'nye zhanry v yazyke dialektnoy lichnosti [Ritual genres in the language of a dialect personality]. In: *Russkiy yazyk kak sredstvo realizatsii dialoga kul'tur* [Russian Language As a Means of Realizing the Dialogue of Cultures]. Khabarovsk: KhGT. pp. 46–56.
10. Kazakova, O.A. (2007) *Dialektnaya yazykovaya lichnost' v zhanrovom aspekte* [Dialect Linguistic Personality in the Genre Aspect]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
11. Bukrinskaya, I.A. & Karmakova, O.E. (2008) Stroenie i zhanrovye osobennosti dialektного текста [Structure and genre features of dialect text]. In: Kasatkin, R.L. (ed.) *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii* [Materials and Research on Russian Dialectology]. Vol. 3. Moscow: Nauka. pp. 414–427.
12. Bukrinskaya, I.A. & Karmakova, O.E. (2018) Mifologicheskii rasskaz kak zhanr dialektного monologa v sovremennoy russkoy derevne [Mythological story as a genre of dialect monologue in the modern Russian village]. In: Kalnyn', L.E. (ed.) *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii* [Studies in Slavic Dialectology]. Vol. 19–20. Moscow: Institute for Slavic Studies of RAS. pp. 95–107.
13. Demeshkina, T.A. (2022) [Cultural and linguistic landscape of a cross-border region: possibilities of description]. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii* [Dynamics of Linguistic and Cultural Processes in Modern Russia]. Proceedings of the 7th ROPRYAL Congress. Vol. 7. Yekaterinburg. 6–9 October 2021. Saint Petersburg: ROPRYAL. pp. 122–126. (In Russian).
14. Biryulin, A.G. (1992) *Teoreticheskie aspekty semantiko-pragmaticheskogo opisaniya imperativnykh vyskazyvaniy v russkom yazyke* [Theoretical aspects of semantic and pragmatic description of imperative statements in the Russian language]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saint Petersburg.
15. Vezhbitska, A. (2007) Angloyazychnye stsennarii protiv “davleniya” na drugih lyudey i ikh lingvisticheskie manifestatsii [English-language scenarios against “pressure” on other people and their linguistic manifestations]. *Zhanry rechi – Speech Genres.* 5. pp. 131–159.
16. Formanovskaya, N.I. (1984) Sposoby vyrazheniya pros'by v russkom yazyke (pragmaticheskii podkhod) [Ways of expressing a request in Russian (a pragmatic approach)]. *Russkiy yazyk za rubezhom.* 6. pp. 67–72.
17. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed. Vol. 14. Moscow: Russkiy yazyk.
18. Balakay, A.G. (2001) *Slovar' russkogo rechevogo etiketa* [Dictionary of Russian Speech Etiquette]. 2nd ed. Moscow: AST-PRESS.
19. Kotorova, E.G. (2016) The speech behavior pattern of “request” in Russian and German: a contrastive study. *Zhanry rechi – Speech Genres.* 1 (13). pp. 65–77. (In Russian). DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-65-77

20. Zemskaya, E.A. (2006) *Russkaya razgovornaya rech'*. *Lingvisticheskiy analiz i problemy obucheniya* [Russian Colloquial Speech. Linguistic analysis and problems of learning]. Moscow: Nauka.
21. Larina, T.V. (2009) *Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsiy* [Category of Politeness and Style of Communication: Comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. [Online] Available from: <https://iknigi.net/avtor-tatyana-larina/286-kategoriya-vezhlivosti-i-stil-kommunikatsii-tatyana-larina/read/page-19.html>. (Accessed: 20.08.22).
22. Yarmarkina, G.M. (2001) *Obydennaya ritorika: pros'ba, prikaz, predlozhenie, ubezhdenie, ugovory i sposoby ikh vyrazheniya v russkoy razgovornoy rechi* [Everyday rhetoric: request, order, suggestion, persuasion, persuasion and ways of their expression in Russian colloquial speech]. Philology Cand. Diss. Saratov.
23. Sorokoletov, F.P. (1985) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 20. Leningrad: Nauka.
24. Mishlanov, V.A. (2003) Molitva kak rechevoy zhanr [Prayer as a speech genre]. In: Dement'ev, V.V. (ed.) *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya* [Direct and Indirect Communication]. Saratov: Kolledzh. pp. 290–302.
25. Gyngazova, L.G. (2005) Kartina mira yazykovoy lichnosti dialektonositelya: naivnaya religiya [The picture of the world of a dialect speaker's linguistic personality: naive religion]. In: *Yazyk i obshchestvo v sinkhronii i diakhronii* [Language and Society in Synchrony and Diachrony]. Saratov: Nauchnaya kniga. pp. 158–165.
26. Kirillitsa [Cyrillic]. (2017) V chem sila roditel'skogo blagosloveniya [What is the power of parental blessing]. *Kirillitsa* [Cyrillic]. [Online] Available from: <https://kirillitsa.ru/tradition/54368-v-chyom-sila-roditelskogo-blagosloven.html>. (Accessed: 25.08.22).
27. Bayburin, A.K. & Toporkov, A.L. (1990) *U istokov etiketa: Etnograficheskie ocherki* [At the Origins of Etiquette: Ethnographic essays]. Leningrad: Nauka.
28. Ivantsova, E.V. (2011) Rechevoy zhanr potchevaniya v traditsionnoy narodnoy kul'ture [The speech genre of regaling in traditional folk culture]. *Zhanry rechi – Speech Genres*. 7. pp. 269–279.
29. Rathmayr, R. (1996) Höflichkeit als kulturspezifisches Konzept: Russisch im Vergleich. In: Von Ohnheiser, I. (ed.) *Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart*. Innsbruck: Verlag des Instituts für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck. pp. 174–185.
30. Sternin, I.A. (2009) *Delovoe obshchenie* [Business Communication]. Voronezh: Rodnaya rech'.

Информация об авторе:

Иванцова Е.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ekivancova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Ivantsova, Dr. Sci. (Philology), professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekivancova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.09.2022;
одобрена после рецензирования 11.09.2022; принята к публикации 22.09.2022.

The article was submitted 04.09.2022;
approved after reviewing 11.09.2022; accepted for publication 22.09.2022.